

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Корнильевой Татьяны Игоревны на тему: «Шаньшу как жанр китайской литературы», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Ближнего и Дальнего Востока)

Диссертация Т.И. Корнильевой посвящена изучению *шаньшу* – заметному явлению в литературе и культуре Китая. Как отмечает автор диссертации, понятие *шаньшу*, хотя и известное всем синологам, до настоящего времени не имело четкого научного определения и не было детально изучено как явление в целом. Работа Т.И. Корнильевой призвана частично восполнить указанный пробел: дать четкое определение понятию *шаньшу* путем описания и классификации всего того, что оно в себя включает, а также выявить специфические черты того литературного жанра, который входит в состав понятия *шаньшу*. В этом и заключается научная новизна рассматриваемого диссертационного исследования.

Стоит заметить, что *шаньшу* – а это, по сути дела, вся китайская нравоучительная литература, которая опирается как на религиозную мораль, так и на светскую «мудрость», и при этом адресована самым широким массам населения, – имеет аналоги и в других традиционных культурах. Например, нечто похожее появилось с начала 1990-х годов (а правильнее сказать, возродилось) в среде российских мусульман, а именно – популярная религиозно-воспитательная литература, в которой доступным языком излагаются нормы мусульманской морали, ритуальные правила, сюжеты из Корана и Сунны и тому подобное, вплоть до правил гигиены (т.е. как и в *шаньшу*). Подобная литература, которую невозможно отнести ни к области богословия, ни к области светской публицистики, именно по причине этой своей «промежуточности» долгое время рассматривалась большинством исследователей как нечто «несерьезное», как «писанина», едва ли достойная внимания. Между тем, судя по имеющемуся спросу на такую литературу (в случае Китая, как можно понять, огромному) она отвечает духовным потребностям значительной части населения и поэтому является важной частью национальной культуры, одним из механизмов формирования национального менталитета. Именно по этой причине изучение такой литературы представляется чрезвычайно важным, и диссертация Т.И. Корнильевой обладает в этом смысле несомненной актуальностью. Ее также можно считать вкладом в изучение такого рода литературы в глобальном смысле – учитывая существование подобной литературы у разных народов.

Оценивая диссертацию Т.И. Корнильевой, я бы в первую очередь отметил внушительное число использованных автором источников и исследований, включая – что особенно ценно – работы на китайском (69 наименований) и японском (11 наименований) языках.

Использование столь обширного «азиатского», оригинального материала, естественно, придает выводам исследования высокую степень достоверности. Собственно, сам текст диссертации, содержащий упоминание десятков китайских сочинений, относящихся к разным эпохам и разным религиозным традициям, и демонстрирующий идейно-художественные взаимосвязи между этими сочинениями, свидетельствует о глубоких познаниях автора диссертации в избранной области исследования.

В Главе I диссертации – в соответствии с поставленными задачами – рассматриваются все составляющие части понятия *шаньшу*, которым дается исчерпывающая характеристика. Чрезвычайно интересным здесь мне показалась информация о «таблицах заслуг и проступков» (*гунго-гэ*), которые в современном мире получили новый формат – в виде компьютерных программ и приложений для гаджетов. Этот факт является очередной иллюстрацией адаптивных способностей национально-религиозных традиций в условиях модернизации.

В Главах II-III проводится детальный литературоведческий анализ *шаньшу* как жанра нравоучительной литературы – на примере четырех известнейших произведений этого жанра. В этой части работы (Глава III) весьма интересным мне представляется описание того, как в формировании жанра *шаньшу* наряду с доминирующей конфуцианской моралью участвовали буддийская и даосская религиозные традиции, результатом чего стал некий религиозно-светский синкретизм, выраженный в проповедуемых этим жанром взглядах. В этом отношении китайские *шаньшу* явно обладают большей степенью светскости и идейного плюрализма, чем их аналоги в мусульманской и христианской культурах, базирующиеся на догматах лишь одной религии.

Не вызывают сомнения изложенные автором в Заключение диссертации выводы о существующих значениях термина *шаньшу*, о жанрообразующих чертах литературы *шаньшу*, о связи этой литературы с каноническими религиозными текстами, о месте этой литературы в жизни Китая на разных этапах его истории.

Наряду с указанными достоинствами диссертации необходимо отметить некоторые ее недостатки. В первую очередь, это погрешности в структурировании и оформлении текста, орфографические и синтаксические ошибки (включая опечатки), а также несовершенство манеры изложения. С этого я и начну.

Как известно, знакомство с содержанием любой диссертации начинается с ее оглавления. В оглавлении работы Т.И. Корнильевой мы видим Введение, три главы (каждая из которых состоит из подглав) и Заключение. По неясной причине ни одна из трех глав не имеет собственного названия, и поэтому невозможно понять, по какому принципу имеющиеся подглавы (которые озаглавлены!) сгруппированы в эти три главы. Более того, подглавы с названием «Пафос произведения», «Способ повествования, описания, воспроизведения

событий, явлений, системы образов, героев» и «Приемы обрисовки, изобразительно-выразительные средства» имеются и во второй, и в третьей главах. И поскольку сами главы не имеют названий, невозможно, глядя на Оглавление, представить, чем отличается содержание двух подглав с одинаковым названием.

Непонятно также, почему в тексте самой работы названия подглав набраны шрифтом более мелким, чем текст этих подглав (с. 13, 17, 26 и далее).

Непонятен и принцип представления названий упоминаемых в диссертации китайских сочинений. При первом упоминании сочинения диссертантка, как правило, дает русский перевод его названия и в круглых скобках – русскую транслитерацию китайского звучания этого названия и его запись иероглифами. Однако при последующих упоминаниях того же сочинения в одних случаях дается лишь русский перевод названия, а в других снова – и перевод, и транслитерация, и иероглифическая запись (непонятно, с какой целью). Это, в частности, можно видеть на примере «Нравоучительного сочинения владыки Вэнь-чана», упоминаемого на страницах 7, 27, 28, 72, 74-75, 87, 92, 96, 98. При этом в русском переводе названия этой книги слова «сочинение» и «владыка» написаны в диссертации то с прописной буквы, то со строчной, а на с. 28 название книги вообще выглядит иначе – «Поучения владыки Вэньчана» (здесь даже имя написано по-другому).

Довольно неудобным для читателя (особенно не являющегося китаистом) является постоянное чередование передачи названий сочинений: то название дается в русском переводе, то в виде русской транслитерации китайского звучания. Например: «Нефритовые скрижали» и «Юйли Баочао» (или просто «Юйли») (с. 49-51), «Канон Десяти правителей» и «Шиван-цзин» (с. 55). Особенно неуклюже это чередование выглядит, когда два названия используются в одном предложении, например: «Тайваньская исследовательница “Нефритовых скрижалей” Чэнь Яоцян также склонна полагать, что “Юйли” относится примерно к цинскому времени» (с. 55).

В работе встречаются некоторые обороты и словосочетания, смысл которых либо вообще непонятен, либо непонятен в имеющемся контексте, либо они обозначают некие китайские реалии, сущность которых автор диссертации не объясняет, например: «умножение в добре» (с. 13), «под девизом правления (такого-то правителя или династии)» (с. 54, 56), «пяти- и семисловный стих» (с. 42, 57), период Ретроцессии (с. 41), «потерять ритуал с родителями жены» (с. 102), *цзюань* (с. 99). Во Введении трижды упоминается *баоцзюань* (с. 4, 9, 11), однако о том, что этот термин означает, читатель узнает лишь на с. 37.

В тексте диссертации имеются случаи орфографических ошибок или опечаток в словах (с. 6, 10, 30, 89, 93, 99, 105, 112), выпавших или, наоборот, лишних предлогов и союзов (с. 11, 21, 37, 38, 55, 97, 112), выпавших или лишних запятых (с. 37, 39, 42, 100), повторений сегмента

текста (с. 10), несогласованности по роду, числу и падежу (с. 10, 18, 41, 52, 59, 91, 95, 96, 99), разнобоя в написании имен собственных (напр. на с. 53-54 – Кларк, а на с. 59 – Кларке; на с. 84 – Чэнхуан, а на с. 85 – Чэн-хуан; на с. 7 – Гуань Юй, а на с. 87 – Гуаньюй), использования жаргонизмов (на с. 47 – «самые разношерстные произведения», на с. 60 – «живность», в значении животные вообще).

Также в работе встречаются некорректные и непонятные высказывания, порожденные либо нарушением законов синтаксиса, либо просто неумением автора диссертации грамотно изложить свою мысль. Вот примеры подобных высказываний:

«Так, цитируя И.Г. Баранова, “Книга Яшмовых Правил” в заключительной своей части дает читателям целый ряд наставлений» (с. 16).

«К сожалению, если не считать книгу М.Е. Ермакова, затрагивающей только самый ранний период развития религиозных *сяошо* и по ним воссоздающий картину религиозных верований того периода, насколько нам известно, эта тема совершенно не освещена в современной науке» (с. 37).

«В этой главе мы более подробно рассмотрим одну из самых популярных книг класса *шаньшу* – “Нефритовые скрижали” и на ее примере покажем, какими же отличительными особенностями она обладает» (с. 49).

«Интересно, что, казалось бы, в стране, где так сильно развит культ рода, не могло прижиться учение, проповедующее отречение от привязанностей и семьи» (с. 80).

«Впоследствии выражение “четыре знающих” становится распространенной метафорой, обозначающей “в мире нет ничего тайного”, обозначающим честное поведение, не принимать нечестных подношений» (с. 105).

«В значении “тайная добродетель” впервые встречается в трактате “Хуайнань-цзы”, написанном в династию Восточная Хань» (с. 105).

Подобное же косноязычие можно видеть в изложении сюжетов о «закопанной змейке», о «четырех знающих» и о «воротах для счастья и несчастья» (с. 104-105, 106), сущность которых из-за этой манеры изложения остается даже не вполне ясной. А в русском переводе китайских сентенций на с. 100-101 автор диссертации по какой-то причине вместо союза «если» использует словосочетание «хотя бы» (или «хоть бы»), явно затемняющее смысл этих сентенций. Мне представляется, что подобная небрежность в обращении с русским языком мягко говоря не украшает научный текст, особенно текст филологического характера.

Что же касается замечаний по научному содержанию диссертации Т.И. Корнилевой, то их у меня не много.

В подглаве, посвященной происхождению «Нефритовых скрижалей» (с. 51-56), где диссертантка совместно рассматривает как религиозно-мифологические версии

происхождения этого текста, так и научные, следовало бы, конечно, более внятно оговорить разницу между этими двумя типами версий.

По утверждению диссертантки, иллюстрации к тексту «Нефритовых скрижалей» составляют один из трех основных компонентов почти любого издания этой книги, и о них в диссертации отдельно идет речь (с. 61-62). К сожалению, ни одного образца таких иллюстраций в диссертации нет, хотя эти иллюстрации доступны, вероятно, даже в сети Интернет.

На с. 11 и 113 диссертации присутствует одна и та же фраза: «В некоторые из произведений *шаньшу* посредством специального ритуала – гаданий *фулуань* – вносятся коррективы, более созвучные требованиям современности». Читателю, конечно, хотелось бы узнать что-то и о сущности этих гаданий, и о том, каким именно образом при их помощи вносятся коррективы в текст произведений *шаньшу*, но в диссертации об этом ничего не сказано.

Хотя вышеуказанные недостатки диссертации несколько портят общее впечатление о ней, ее содержательная, исследовательская сторона и сделанные выводы позволяют мне признать ее оригинальным и полезным научным исследованием, материалы которого могут быть использованы как для усовершенствования учебных программ по китаистике, так и для решения дальнейших теоретических вопросов, стоящих перед синологической культурологией и культурологией вообще.

Диссертация Татьяны Игоревны Корнильевой на тему: «Шаньшу как жанр китайской литературы» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Корнильева Татьяна Игоревна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Ближнего и Дальнего Востока).

Председатель диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор кафедры арабской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета

Суворов М.Н.

12.03.2017